

ВЕЛИКИЕ КОСМИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

Иван Ефремов
«Туманность Андромеды»

Василий Головачев
«Черный человек»

Владимир Михайлов
«Дверь с той стороны»

Аркадий и Борис Стругацкие
«Страна багровых туч»

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

Дверь с той стороны
Сторож брату моему

Романы



Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *П. Борозенца*

Михайлов, Владимир Дмитриевич.

М69 Дверь с той стороны ; Сторож брату моему : романы / Владимир Михайлов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 640 с. — (Великие Космические Романы).

ISBN 978-5-699-91447-0

Действия романов патриарха отечественной фантастики Владимира Михайлова разворачиваются в далеком будущем и в бескрайнем Космосе. Перед экипажами капитана Ульдемира и космического корабля «Кит» стоят две такие разные задачи — спасти целую цивилизацию и найти антизвезду. Оба экипажа переживут массу разных испытаний, но главная цель у них общая — несмотря ни на какие препятствия, место и время, остаться людьми...

В данное издание вошли два лучших космических романа Владимира Михайлова — писателя, чье творчество оказало значительное влияние на развитие отечественной фантастики. Подобно своему знаменитому современнику Ивану Ефремову, Владимир Михайлов во главу угла ставил тонкий психологизм и преодоление слабостей человеческой природы во имя высшей цели — дать начало новой жизни!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91447-0

© В. Михайлов, наследники, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Содержание

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

7

СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ

365



Дверь
с той стороны

ГЛАВА I

Инна говорила прерывистым полупшепотом, от волнения не заканчивая фраз; слова торопливо набегали друг на друга. Нынче голос изменял ей — великолепный голос, хрупкий, с придыханиями, он всегда привлекал не меньше, чем облик, а порой и больше. Сейчас голос дрожал.

— Ты придешь сегодня?

— Милая...

Истомин произнес это слово, не думая над ним и не ощущая смысла; слово было привычным, да и сама Инна тоже, с ее матовой кожей, с черными кольцами волос и профессиональной точностью и выразительностью движений. Произнес и сразу же по привычке увидел слово написанным.

— Последний вечер. Последний... Почему все кончается? На Земле ты забудешь меня. Сразу...

— Нет.

— Поцелуй меня. Сейчас. Все равно, пусть видят, все равно. Не хочу терять тебя. Скажи, мы не расстанемся на Земле.

— Мы встретимся.

— Где? Когда? Говори сразу.

— Потом, Инна.

— О, я понимаю, понимаю... Не надо хитрить, милый. Старая женщина — на что я тебе там? Но все равно — спасибо.

— Ты ошибаешься...

Истомин должен был при этих словах нежно улыбнуться. Он и улыбнулся, только позже, чем следовало, — мысли были уже не с ней. Он злился на самого себя: предугадывал вопрос, который ему зададут на Земле: «Ну, что вы для нас написали?» А он был где-то на полпути и потерял тут столько времени вместо того, чтобы работать.

– Дорогая... – нерешительно начал он.
– Лучше молчи, – попросила она. – Будем танцевать молча. Как быстро кончился полет...

Полугорамесячный рейс Антора – Земля завершался. «Кит», корабль класса «А», три дня назад удачно вышел из сопространства почти на границе Солнечной системы и теперь, идя в режиме торможения под углом в тридцать градусов к плоскости эклиптики, пересекал последние миллиарды километров. До финиша оставались сутки с небольшим.

Чем ближе становилась Земля, тем быстрее росла уверенность в счастливом завершении полета (мысль о возможной катастрофе всегда гнездится в сознании пассажира) – и уверенности этой сопутствовал нервный подъем. Те отношения, что быстро возникают в путешествиях именно потому, что возникают случайно и ненадолго, все эти мимолетные любви, дружбы и антипатии вспыхивали в заключительный раз перед тем, как погаснуть и забыться после первых же шагов по надежной поверхности планеты.

По давней традиции в последний перед прибытием вечер команда корабля давала бал. Ужин кончился, свет в просторном салоне и палубой выше – в саду – был приглушен, звучала медленная музыка и пахло морем. Ожидали капитана; кое-кто танцевал, неспешные разговоры остальных были полны Землей.

– Позволю себе заметить, администратор: власть, моему, сродни любви – чувство, а не профессия. И вот вы, в предвкушении медового месяца...

– Знаете, лучше не надо об этом. – В голосе Карского не было ни малейшего пренебрежения, он говорил искренне. – В полете есть нечто умиротворяющее: человек отрывается от повседневного, пребывает как бы в состоянии психической невесомости. Кроме того, я еще не введен в должность и, откровенно говоря, волнуясь.

– И напрасно, да будет мне позволено сказать так, – улыбнулся Нарев. – Не помню случая, чтобы избранный на планете кандидат после пятилетнего курса не был утвержден Советом Федерации. Но простите – не слишком ли сух наш разговор?

Он повернулся в кресле и с минуту думал, сосредоточенно глядя на дринк-пульт, пошевеливая над ним расслабленными пальцами. Администратор смотрел на резкий профиль Нарева, на его длинный, характерного разреза глаз. Впрочем, и без этого в Нареве легко угадывался уроженец Ливии в системе Тау: манера разговора выдавала его, витиеватая, гипертрофированная вежливость. Каждая из обитаемых планет Федерации сохраняла обычаи, манеры, моды и привычки, существовавшие на Земле в тот период, когда происходило заселение именно этой планеты, хотя на Земле впоследствии все успевало уже не раз измениться. Периферия консервативна, подумал Карский. Пусть сообщение между планетами поддерживается постоянно, но прилетают и улетают единицы, а жизнь на планетах развивается в тех направлениях, какие были определены вначале; вот одна из сложностей управления Федерацией. Карский и сам чувствовал себя в первую очередь анторианцем, хотя и старался избавиться от этого ограниченного патриотизма. Ничего, пройдет со временем, подумал он успокоительно. Пройдет...

Нарев уже успел нажать клавиши и теперь ждал. Тихо шуршал механизм, потом сиреневая жидкость наполнила бокалы. Нарев протянул один администратору, откинулся на спинку кресла и поднес свой к губам. Напиток пахнул Землей, тропинками, солнцем.

— На целый год стать членом Совета, — задумчиво проговорил Карский. — По сути дела — возглавить цивилизацию! Трудно не испугаться этого.

— Я вряд ли ошибусь, сказав, что вы готовы к этому.

— Время покажет... А помните, когда ввели эту систему, казалось нелепым: избирать человека, который займет свой пост лишь через пять лет, а до тех пор будет оторван от практической деятельности. Мне и самому не верилось...

— Теперь, если я сужу правильно, вы убедились в ее целесообразности?

— Во всяком случае, это было интереснейшее время. Пять лет назад я уже мог увидеть Федерацию такой, какой она стала только теперь. Пять лет не имел дела с каждодневными задачами, но следил за развитием главных линий, учился проследивать ветвление и эволюцию потребно-

стей общества. Я уже тогда видел, что за эти годы человек окончательно выключится из сферы материального производства, передав его автоматам и компьютерам. Так что мы — избранные тогда — заранее готовились решать проблемы направления и использования высвобождающейся человеческой энергии — грандиозные проблемы...

— И куда же, если не секрет, собираетесь вы направить нашу энергию?

— У меня есть немало мыслей по этому поводу, но пока они еще не стали мнением Совета, вряд ли я имею право... Да и, кроме того, мы ведь лишь начнем их решать. Разрабатывать намеченные направления станут наши последователи — те, кто и завтра, и еще целый год в своих кабинетах будут продолжать и координировать линии развития, долгими часами совещаться с футурологами и прогносеологами, как делали это и мы, будут наблюдать за развитием как бы со стороны и гадать о непредсказуемых факторах, возникновение которых неизбежно... Да, система оправдывается. Если не говорить о волнении — оно кажется мне естественным, — я чувствую, что прихожу к руководству во всеоружии.

— И — сколь ни печально — только на год. Это не кажется вам обидным?

Администратор пожал плечами.

— За год работы я неизбежно отстану. Буду координировать уже известные мне линии, но не хватит времени, чтобы следить за всем новым, что возникнет за этот год, настолько пристально, чтобы потом органично вплести его в старую сеть. Это сделают те, о ком я уже говорил, — люди, избранные не пять, а четыре года тому назад. Нет, все совершенно разумно.

— Да, — согласился Нарев после паузы, — воистину, система мудра. И это подтверждается: за все время не было ни единой попытки остаться на второй срок. Или еще пример: вы летите на рейсовом корабле, хотя вам наверняка могли предоставить и отдельную машину.

Администратор улыбнулся.

— Мы здравомыслящие люди. К чему зря расходовать топливо? Но не пора ли присоединиться к обществу?

Он встал, чтобы выйти из бара в салон. Нарев покосился на него и тоже поднялся.

— Меня терзает искушение заметить, что понятие здравомыслия всегда было относительным. Как добро и зло, например.

— А вы пытались бы остаться у власти? И летали бы в одиночку на стоместном корабле?

— Я? — усмехнулся Нарев. — Если я чего-то не умею, то, увы, как раз предугадывать свои поступки.

Они неторопливо направились к выходу.

— И еще, — сказал Карский, — всегда надо немного тосковать о том, что кончается. Иначе наступит пресыщение. А в вашей работе не так? Кстати, я и не знаю...

Они остановились в салоне, привыкая к полутьме.

— Осмелюсь перебить вас. Вот человек, которому пресыщение не грозит, — сказал Нарев, меняя тему разговора и указывая кивком на актрису, танцующую с писателем. Карский серьезно ответил:

— Она очаровательна. Но я выбрал бы другую.

— И я догадываюсь кого. Но не соглашусь с вами. Неразумно волновать капитана в полете.

— Тем более когда предстоит финиш, — сказал администратор и вздохнул. — Да, Земля... А вы надолго в метрополию? Вы хозяйственник?

— Питаю надежду, что вы не думаете этого, — сказал Нарев, чуть изогнув губы в улыбке. — Будь я хозяйственником, я ни в коем случае не стал бы завязывать знакомство с вами, это могли бы расценить как попытку устроить дела своей планеты или округа.

— Вряд ли: вы не анторианин, а я буду заниматься делами именно этой планеты. Вы же, если не ошибаюсь, с Ливии?

— Голос выдает? Противный голос, правда? Рискну употребить такое определение. Но это только при земной плотности атмосферы, как тут. На Ливии наши голоса звучат прекрасно. Кстати, могу ответить тем же: такие смуглые лица, как ваше, можно увидеть лишь на Анторе... А что касается моих занятий, то я путешественник. Самая независимая профессия. Несколько романтизируя, я сказал бы: прихожу без восторга и покидаю без сожаления. И на моей Ливии не был уже много лет.

— Жаль. Я как раз собирался спросить: на этой планете недавно были какие-то осложнения, но я не успел по-

лучить информацию и не знаю деталей. Кто-то пытался встать во главе...

— Вы заставляете меня пожалеть о том, что я совершенно не в курсе дела. Живу в пути и счастлив, и не желаю иного. Хотя нет — порой мне хочется быть капитаном такого вот А-лайнера. Вот где подлинная независимость, и судьба окружающих зависит только от вас.

— А знаете, если верить курсу психологии, который я прошел, это ваше желание означает, что вы ощущаете в себе запас энергии и где-то обижены тем, что люди не используют ее по назначению с максимальным эффектом. Я прав?

— Значит, вы разбираетесь во мне лучше, чем я сам.

— Нет, я не замечал за собой такого.

— Простите, если я смутил вас.

— О, пожалуйста, я не в обиде.

В центре круглого экрана капелькой янтаря сияло Солнце.

— Вот он, — удовлетворенно сказал штурман Луговой. — Детка Йовис. Прошу отметить в журнале, капитан: рекорд. Еще никто не выходил на видеосвязь с системой Юпитера на таком расстоянии. Молодец я?

— Это я выясню в Управлении кадров, — пообещал капитан Устюг.

— А вообще, — продолжал штурман, — Солнечная загружена бездарно, нарушена центровка: все планеты на одном борту.

— По прибытии подай рапорт в отдел перевозок, — советовал капитан.

Штурман посмотрел на него со всей пронизательностью, свойственной (как они сами полагают) людям, чей возраст перевалил уже далеко за двадцать.

— Вы волнуетесь, мастер!

Сколько-то мгновений они смотрели друг на друга молча. Капитан был вдвое старше и на целую голову ниже ростом, и все же чем-то они напоминали друг друга; может быть, ровным, характерного оттенка загаром, что приобретается под корабельным кварцем, или пристальностью взглядов, или неторопливой точностью движений, какой требуют корабли.

— Следить за состоянием экипажа — это моя обязанность, — ответил наконец Устюг. — А на моем корабле при-

нято выполнять свои обязанности и не заниматься чужими. При входе в систему обязанность штурмана — следить за курсом и своевременно брать пеленг.

Луговой улыбнулся.

— Не беспокойтесь, мастер. Пока Солнце впереди и Ригаль справа, нам бояться нечего. А скажите, так глубоко интересоваться состоянием пассажиров тоже входит в обязанности капитана?

— Да, — сухо сказал Устюг. — Входит.

— Но раньше в рейсах капитан доверял это Вере. Кто же беспокоит вас на борту «Кита»? Администратор Карский? Путешественник Нарев? Физик? Или Истомин — вы решили, что он напишет о вас книгу? Не старичок же Петров привлек ваше внимание и не футболист Еремеев, хотя он и чемпион Федерации...

Капитан Устюг молча смотрел на штурмана, пытаясь понять, является ли причиной необычной болтливости предфинишная лихорадка, что треплет порой молодых судоводителей, или просто нахальство.

— Мила едет с мужем, — продолжал перечислять Луговой. — Актриса влюблена не в вас. И если только мы не везем зайцев, то это может быть лишь Зоя Серова. А она...

Нет, решил капитан, никакая не лихорадка. Простое мальчишеское нахальство пополам с любопытством.

— Пост-Юпитер уже пять секунд ждет ответа, — сухо сказал он.

— Виноват, мастер, — спохватился штурман. — Прости.

— Ох и молод ты, Саша. — Устюг вздохнул то ли с сожалением, то ли с завистью. — Вызовешь меня, как только будет связь с Землей.

— Решаюсь привлечь ваше внимание, дорогой администратор: вот человек, который не боится испортить капитану настроение. Ученые вообще немного самонадеянны, вы, конечно, уже не раз замечали это. Некоторая самоуверенность свойственна всем, кто имеет дело с фактами, неизвестными другим. Разумеется, это не относится к присутствующим... — добавил Нарев, увидев, что Карский поморщился.

Физик Карачаров подтащил кресло поближе к Зое и с размаху плюхнулся в него.